

ПРАВОСЛАВНОЕ СВЯЩЕНСТВО: ПАСТЫРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ И ДАЛЬНЕЙШАЯ СУДЬБА*

Иван Петров

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербургское государственное бюджетное
учреждение культуры «Музейно-выставочный центр»,
Санкт-Петербург, Россия

THE ORTHODOX PRIESTHOOD: PASTORAL ACTIVITY IN THE GERMAN OCCUPATION AND LATER**

Ivan Petrov

St Petersburg State University,
St Petersburg State Institution of Culture
“Museum and Exhibition Centre”,
St Petersburg, Russia

This article considers the new period of relations between the state and the Church in the USSR which began between 1943 and 1948. It was characterised by the restoration of patriarchy and a general warming between the Russian Orthodox Church and the Stalinist state. However, a different process began on the territory occupied by Nazi troops at the beginning of the war. Arrests of the clergy began to take place, with some priests being removed from large parishes and others transferred to neighbouring dioceses. Many bishops, especially those from among the former Renovators, tried to protect themselves by removing priests associated with the Nazis from their dioceses. At the same time, there was a process of appointing clergymen who had shown their commitment to the Soviet state and helped the pro-Soviet underground during the war, especially partisans, to vacant parishes. Many of the priests were not ready for such seri-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 18-78-00048 «Служение русского православного пастырства на временно оккупированных районах РСФСР в 1941–1944 гг.».

** *Citation:* Petrov, I. (2020). The Orthodox Priesthood: Pastoral Activity in the German Occupation and Later. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 3. P. 777–791. DOI 10.15826/qr.2020.3.494.

Цитирование: Петров И. Православное священство: пастырская деятельность в немецкой оккупации и дальнейшая судьба // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 3. С. 777–791. DOI 10.15826/qr.2020.3.494.

ous appointments and asked to be excused from the administration of parishes. The clergymen who had participated in anti-Soviet propaganda during the war and who had been members of diocesan administrations organised under the German occupation were replaced by young priests who had previously served in the Red Army and who were absolutely loyal to the Soviet regime. They were incredibly ambitious and able to quickly gain the trust of local believers. Some of latter were friendly to priests who had served under the Germans and even tried to help them and prevent their criticism. Others, on the contrary, were sending “signals” to the diocesan authorities about the suspicious actions of the “occupation priests”. Believers also behaved differently. Many opposed the appointment of new clergymen, did not trust them, and considered them to be supporters of the Soviet regime. Such believers appreciated priests who did not incessantly collect money for patriotic needs during the war, did not preach about protecting collective farm property, or publicly denounce unregistered church groups in the region. Other believers, however, became champions of church repressions and started to organise internal investigations into the economic activities of “occupation priests”. This research is relevant as currently there are no works tracing the fate of the Orthodox clergy who found themselves in the temporarily occupied territory of the Russian SFSR during World War II and stayed in the Soviet Union afterwards. Works published mostly focus on the clergy evacuated to the West or the new generation of Orthodox pastors who became priests after the war. This article is based on documents of Russian regional archives, mainly in the so-called Central Black Earth region (Kursk, Belgorod, Voronezh, Orel), as well as the archives of north-western and southern Russia and Belarus.

Keywords: Nazi occupation; partisans; World War II; Russian Orthodox Church; repressions; Orthodox clergy.

Рассматривается новый период церковно-государственных отношений в Советском Союзе, начавшийся в 1943–1948 гг. Его характерными чертами стали восстановление патриаршества и общее потепление отношений Русской православной церкви и сталинского государства. На территории, оккупированной немецкими войсками в годы войны, начался обратный процесс: стали проходить аресты священнослужителей, священников отстраняли от управления большими приходами или перемещали в соседние епархии. Многие епископы, особенно из среды бывших обновленцев, испугавшись новых санкций, удалили из своих епархий связанных с нацистами священников. Параллельно с этим осуществлялись назначения на пустующие приходы и в благочиния тех духовных лиц, которые в условиях войны показали наибольшую приверженность советскому строю, а также помогали просоветскому подполью, в первую очередь партизанам. Многие из этих священников не были готовы к столь серьезным переменам и просили священноначалие отстранить себя от управления благочиниями. Взамен тех духовных лиц, которые участвовали в антисоветской пропаганде, а также входили в епархиальные управления, организованные в условиях немецкой оккупации, на приходы стали назначаться молодые священники,

наиболее лояльные к советской власти. Они были невероятно амбициозны и смогли получить доверие у местных верующих. Часть из них была лояльна к священникам, которые служили при немцах, и всеми силами препятствовала критике этих пастырей церковным активом. Другие же, наоборот, участвовали в просоветской проповеднической деятельности и параллельно с этим отправляли епархиальному начальству сигналы о подозрительных действиях священников-«оккупантов». Неоднозначно вели себя и рядовые верующие. Некоторые из них противостояли назначению на приходы лояльных советскому строю духовных лиц, не доверяли им и считали их сторонниками советской власти. Данная группа верующих ценила священников, которые не собирали беспрестанно деньги на патриотические нужды, не говорили с амвона о защите колхозной собственности и не заявляли о наличии в регионе незарегистрированных церковных групп. Другие же, наоборот, стали проводниками внутрицерковных репрессий и организовывали внутренние расследования хозяйственной и экономической деятельности «собратьев в рясе». Актуальность темы обусловлена отсутствием в современной научной литературе работ, в которых прослеживается судьба православного духовенства, находившегося в годы Второй мировой войны на временно оккупированной территории РСФСР и оставшегося впоследствии на территории Советского Союза. Опубликованные исследования в наибольшей степени касаются духовенства, эвакуировавшегося на Запад, или новой генерации православных пастырей, ставших священниками в послевоенное время. Исследование основано на данных региональных российских архивов и епархиальных архивов Центрального Черноземья: Курска, Белгорода, Воронежа, Орла, Северо-Запада и Юга России, а также Белоруссии.

Ключевые слова: немецкая оккупация; партизанское движение; Вторая мировая война; Русская православная церковь; репрессии; православное священство.

Завершение противостояния Третьего рейха и Советского Союза привнесло в жизнь православной церкви известные послабления. Церкви разрешили восстановить высшее духовное образование, бороться за регистрацию приходов, возобновить выход собственного печатного издания и даже участвовать в качестве хоть и зависимого, но «полевого» игрока в международной политике. Но, говоря о Русской православной церкви как о структуре, мы в который раз забываем о тех священниках и активных мирянах, ее наполнявших, об их чаяниях и переживаниях, опасениях и надеждах, победах и поражениях. Вопреки устоявшемуся в исторической науке мифу последних десяти лет, гонения на крупнейшую Поместную православную церковь не прекратились ни в 1941, ни в 1943 г. Видоизменились лишь формы этих гонений, а также была скорректирована их направленность.

Период 1944–1948 гг. – это время дуализма в жизни православной церкви. С одной стороны, это небольшой временной промежуток,

характеризующийся восстановлением, преодолением внутрицерковных противоречий, ростом международного авторитета и пополнением церковного «организма» новыми кадрами. С другой стороны, это период «расплаты» государства над теми, кто посмели противиться ему в период оккупации, возжелали участвовать в религиозном возрождении на временно оккупированной территории, выпускать антисоветские статьи и критиковать 24-летний период «построения социализма». Духовные лица второй категории попадали под жернова репрессий. Те, кто смогли спастись от них в 1944–1945 гг., были арестованы позднее, когда советская власть считала неприемлемым религиозный ренессанс.

«Уходящие натуры»: священники «с той стороны»

До прихода Красной армии у большинства православных пастырей, служивших под немецкой оккупацией, оставалась возможность выбора дальнейших действий. Перед многими вырисовывалась перспектива эвакуации на Запад с отступающими немцами. Этот зачастую вынужденный «прыжок в неизвестность», однако, имел и оборотную сторону: большинство российских священников не знали жизни за границей и боялись ее. Было одновременно страшно как оставаться в СССР и ожидать расправы со стороны государства, так и уйти на Запад в неизвестность.

Нельзя списывать со счетов и советскую пропаганду. До многих жителей оккупированных районов доходила информация о том, что советские власти коренным образом изменили свою линию поведения по отношению к церкви и верующим, разрешили выборы патриарха, который призывал сражаться с внешним врагом и строго предостерегал от сотрудничества с немцами.

Подобные настроения прекрасно иллюстрируют материалы, собранные советскими пропагандистами. Зачастую местное население верило не столько в то, что изменился сам режим. Оно воспринимало изменения как следствие давления на советское руководство со стороны западных союзников. Так, заведующий отделом пропаганды и агитации райкома партии Чернавский, готовясь к областному совещанию заведующих отделами пропаганды и агитации в середине июня 1943 г., отмечал, что в одном из колхозов Орловской области местные крестьяне обсуждают приезд в Москву американцев. Мнения людей касательно этого были следующие:

Америка предложила Сталину несколько пунктов – открыть церкви, ввести погоны, распустить коммунистов, распустить колхозы. Эти пункты постепенно выполняются, и все идет к старому. Церкви открываются, погоны введены, вот сейчас уже т. Сталин распускает коммунистов, а когда будут распущены колхозы, союзники откроют второй фронт [ГАОО. Ф. П-52. Оп. 2. Д. 623. Л. 36].

Часть духовенства, служившего на временно оккупированной территории, не покинула родных мест. Среди тех, кто остался, были не только простые священнослужители, но и пастыри, которые самым активным образом участвовали в управлении приходами, в том числе и благочиниями, заменяя в некоторых районах отсутствующих епархиальных архиереев. Подобная дилемма стояла перед религиозными лидерами и в Первую мировую войну на оккупированных немцами территориях [White]. Яркий пример этому – отец Филипп Переведенцев.

Немецкие власти 22 июня 1943 г. санкционировали в Орле собрание православного духовенства, которое должно было решить, кто возглавит орловское церковное управление и начнет решать вопрос об отправке в Орел архиерея (дело в том, что соседние Смоленск и Брянск перешли в ведение Белорусской православной церкви, а Курск и Белгород – Украинской). Лучшей кандидатурой посчитали протоиерея Переведенцева, настоятеля местной Никитской церкви, выпускника Тульской духовной семинарии, имевшего все возможные церковные награды [ГАОО. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 6. Л. 164 об.]. Совсем скоро протоиерею Филиппу Переведенцеву предстояло покинуть пределы Орловской епархии вместе с отступающими частями Вермахта. Однако в районе города Клинцы отец Филипп вместе с другим священником Павлом Лебедевым попал в зону, подконтрольную советским партизанам, в результате чего вынужденно остался на территории РСФСР. По одной из версий не благоволившего Переведенцеву члена причта Петропавловской церкви в Клинцах, бывший глава благочиннического совета Орла (Переведенцев) страшно боялся «разоблачения» и поэтому по приезду к уполномоченному по делам Русской православной церкви для регистрации своего прихода просил председателя церковного совета соскоблить со своего креста надпись, оставленную немцами [ГАОО. Ф. Р-4330. Оп. 1. Д. 29. Л. 6 об.].

Протоиерей Переведенцев с 1943 по 1948 г. оставался настоятелем клинцовского храма, несмотря на многочисленные жалобы, которые направляли его противники, часто подчеркивая связь пастыря с теми, кто находились в советском заключении, а также факт его службы под немцами [Там же]. От ареста и лишения прихода отца Филиппа спасли верующие и те молодые священники, которых он сам взрастил у себя на приходе. В следующем 1949 г. прихожане пишут епископу Орловскому и Брянскому Николаю (Чуфаровскому) письмо в защиту отца Филиппа:

Мы заявляем, что никто из нас не уполномочивал старосту просить о назначении нам настоятелем священника кроме о. Переведенцева, которого мы все знаем как честного и бескорыстного человека, с которым мы знакомы 6 лет, и никто не осмелится сказать на него плохое. Поданное Вам прошение старосты якобы от прихожан Петропавловской церкви ложное, все подписи подложные или лиц из шайки старосты, который боится священника Переведенцева, что тот потребует счет расхода церкви 5700 рублей денег. Мы, прихожане, просим назначить нам настоятелем отца Филиппа

Переведенцева как человека высокой честности и доброго церковного служителя. Все наветы на о. Переведенцева ложны и исходят от людей, стремящихся незаконно пользоваться церковными средствами и разобрать [их] только для своей корысти [ГАОО. Ф. Р-4330. Оп. 1. Д. 29. Л. 94].

Окончательно оправдать в глазах епархиального руководства отца Филиппа Переведенцева смог молодой священник Валериан Минин, который составил полноценное и вдумчивое суждение о его личности, а все наветы на него объяснил мягким характером бывшего настоятеля Петропавловской церкви:

Так я стал дружен с о. Филиппом и этими некоторыми недовольными... Я старался своим примером уважения к о. Филиппу, понудить и других сделать то же, чтобы поднять авторитет настоятеля [ГАОО. Ф. Р-4330. Оп. 1. Д. 29. Л. 127 об. -132].

Однако благоприятный исход дела протоиерея Переведенцева был скорее редкостью в целой плеяде биографий священников, служивших под оккупацией. Очень показательным примером здесь может послужить жизненный путь протоиерея Александра Кутепова, бывшего орловским благочинным при немцах до отца Филиппа Переведенцева. Отец Александр начал свой священнический путь еще в 1914 г. и временно перестал исполнять пастырские обязанности только в 1939 г. (причем вернулся к священству он в 1941 г., до прихода в город немцев). В связи с занятием региона нацистами он занял должность епархиального благочинного г. Орла (любопытно отметить, что он впервые стал им еще в 1938 г. по решению митрополита Сергия (Страгородского) [ГАОО. Ф. Р-4330. Оп. 1. Д. 20. Л. 8-9]). В первый год оккупации именно отец Александр проводил в жизнь все важнейшие мероприятия в Орловской епархии, отвечал за связь с местной оккупационной администрацией и немецкими военными властями. Однако в ноябре 1942 г. нацисты арестовали его и отправили этапом в лагерь «Кальков» под Брянском [Там же. Л. 6-7]. В ноябре 1943 г. протоиерей Александр Кутепов был освобожден оттуда Красной армией (он именует ее в автобиографии «нашей Русской Освободительной армией») [Там же. Л. 7]. Вскоре протоиерея Кутепова арестовали уже советские карательные органы. На него было предъявлено достаточно обвинительных данных, в том числе относительно участия в пропагандистских кампаниях немцев, антисоветских проповедей, а также в попытках организации перехода орловских православных приходов в подчинение Русской православной церкви за границей.

Еще одним, пожалуй, самым известным пастырем, служившим в оккупированном немцами Орле, был протоиерей Иоанн Маккавеев. Прославил его знаменитый журналист «Санди таймс» Александр Верт, в годы войны работавший в СССР. В своей книге «Россия в войне» Верт так охарактеризовал священника:

Священник – старик 72 лет, в грязной одежде, совсем глухой, с седой бородой и крестом на серебряной цепи, сказал, что многие русские работали на немцев потому, что иначе умерли бы от голода [Верт, с. 421].

Орловский историк А. И. Перельгин, напротив, склонен отдавать пальму первенства в религиозном возрождении Орловщины именно Маккавееву [Перельгин, с. 127]. Подконтрольные немецким властям русские пропагандисты сделали из отца Иоанна одну из главных жертв советского режима и описывали его страдания при большевиках в прессе:

Торжественную службу ведет старенький священник, вместе с нами перенесший большевистское лихолетье (отец Иоанн Маккавеев), еще в 90-е годы посвященный в сан священника, был настоятелем одного из сел Мценского уезда, в 1919 году попал в руки «революционного трибунала» и только случайно остался в живых, в дальнейшем до освобождения Орла от большевиков работал сторожем [ГАОО. Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 6. Л. 106].

Сам Иоанн Маккавеев участвовал во многих пропагандистских богослужениях времен нацистской оккупации. Так, именно он в апреле 1943 г. отслужил молебен в день рождения Адольфа Гитлера в присутствии германского командования и представителей местных властей, в ходе которого вынужден был высказать достаточно много лестных слов в адрес именинника и его политики на занятых российских территориях [Там же. Л. 101 об.]. Безусловно, такой факт, ставший достоянием широкой общественности благодаря публикации в подконтрольной нацистам газете «Речь», не мог не быть использован советской карательной машиной. Первое время жизнь священника проходила вполне удачно: он был настоятелем орловского Никитского храма, благочинным, активно участвовал в сборе средств в помощь РККА. Вскоре он был арестован, но в 1945 г. был оправдан и вышел на свободу. Последние 17 лет Маккавеев жил в уединении в кругу семьи.

На территории нынешней Воронежской области, в Россоши, служил священник Иоанн Шильдяев, который также был известен своей деятельностью в годы войны и антисоветскими воззрениями. Родился он в Воронеже в 1880 г., окончил местную духовную семинарию, был назначен архиепископом Анастасием (Грибановским) священником Успенской церкви слободы Волоконовки. В 1931–1942 гг. Шильдяев проживал у дочери-бухгалтера недалеко от Воронежа, иногда помогая ей по работе [ГАВО. Ф. 957. Оп. 3. Д. 7. Л. 61–62]. Одно время он входил в подчинение стойкого противника сергианской ориентации епископа Алексия (Буя). [Там же. Д. 84. Л. 7]. Согласно его собственной версии, «мадьярами и немцами» в 1942 г. отец Иоанн был эвакуирован на станцию Курбатово, а затем в Белгород. Шильдяев

пребывал при Преображенском кафедральном соборе в Белгороде с ноября по июнь 1943 г. [ГАВО. Ф. 957. Оп. 3. Д. 7. Л. 61–62]. Позже по распоряжению немцев он был эвакуирован в Херсонскую область и на протяжении года служил в Староселье. С приходом советской власти стали раскрываться темные стороны его биографии.

Уполномоченный по делам РПЦ по Воронежской области В. С. Гостев получил в 1945 г. от настоятеля Павловской церкви Михаила Користина данные, в которых последний отмечал, что Шильдяев при немцах жил хорошо:

В момент оккупации в квартиру Шильдяева вошел полковник артиллерии и попросил покормить его русскими щами, а уходя, заверил, что никто его не побеспокоит, для этого необходимо на дверях прибить табличку с надписью «Квартира священника» [ГАВО. Ф. 957. Оп. 5. Д. 7. Л. 18].

Не менее детально Користин хотел представить и желание Шильдяева как можно скорее покинуть пределы Воронежской области и отступить вместе с немцами:

Я не знаю географического передвижения о. Шильдяева в течение войны, но он говорил, что в порядке эвакуации движение началось с севера и привело к Херсону, а здесь застукали его немцы. Дальше, когда он был взят, отец начал хлопотать об освобождении. Щедрый полковник артиллерии двигал его ходатайство до самого киевского палача Коха, но результаты остались отрицательные. Доблестная Красная армия и союзные войска возвратили отцу сына. И вот я заявляю Вам, тов. уполномоченный, что я не верю в политическую благонадежность о. Шильдяева, ибо что это за гражданин, который вредит своей государственной власти целых 4 года умом и сердцем, а может быть, и языком вредит ей, примыкая к политическим шептунам, жаждавшим в кровавой войне утопить советскую власть [Там же].

Користин представлял Шильдяева еще и как сторонника монархического строя в России и пропагандиста «старых порядков». Судя из доноса Користина, Шильдяев «не говорит проповедей и бесед, а иногда читает напечатанные материалы времен “царизма”, тщательно скрывает свой внутренний мир». Для полной дискредитации ретрограда Шильдяева Користин прибег к интересной исторической параллели:

Шильдяев гордится своей национальностью украинца, но нужно сказать – в худшем смысле, по примеру исторического Мазепы [Там же. Л. 18–19].

Еще одним признаком «реакционности» Шильдяева явился отказ служить так называемый «новогодний молебен». Консервативной частью прихожан празднование светских и церковных дат по ново-

юлианскому и григорианскому календарям воспринималось отрицательно. Корыстин принуждал Шильдяева к служению «новогоднего молебна», однако последний сначала назвал его «табельным», то есть официальным, навязанным сверху, а потом и вовсе сказался больным с 30 декабря по 2 января, чтобы молебна не совершать [ГАВО. Ф. 957. Оп. 5. Д. 7. Л. 19]. Главный вывод о Шильдяеве священника Корыстина был неумолим: он пользуется расположением у прихожан-«реакционеров», в то время как его считают «коммунистом» и сторонником советской власти.

Как же на самом деле относились верующие к обоим пастырям? Исходя из материалов уполномоченного по делам РПЦ по Воронежской области В. С. Гостева, Шильдяева уважали обычные миряне. Так, верующие города Павловска долгое время добивались перевода к ним пастыря из Россоши [Там же. Л. 101]. Согласно тем же документам В. С. Гостева, священник Михаил Корыстин дискредитировал себя аморальным поведением. В качестве экономки и «второй жены» он держал при себе супругу ранее служившего в этом приходе священника [Там же. Л. 14–15]. Жалобами на отца Иоанна Шильдяева Корыстин свои действия не ограничивал. В поле его внимания оказался Борис Самойлов, появившийся в селении Большая Грибановка и распространявший, по мнению священника, среди местных жителей идею, что приходы Московской патриархии являются неблагоприятными, в то время как Самойлов именовал себя «посланником Божьим». Против Самойлова отец Михаил также просил предпринять жесткие репрессивные меры [Там же. Л. 73–74].

В Белгороде в упомянутом ранее Преображенском кафедральном соборе разыгрывалась своя «постоккупационная драма», связанная с биографией настоятеля собора протоиерея Григория Гиацинтова. В годы нацистской оккупации он служил в Курске и был одним из первых лиц в местном епархиальном управлении (Курск также находился без ведения православного епископа). В 1942 г. Гиацинтов ведал созданием епархиальной библиотеки. В июне того же года он адресовал директору музея г. Курска П. Н. Черменскому просьбу о передаче в ведение создаваемой системы библиотек при церквях города книг «богословско-религиозно-нравственного» содержания и духовных журналов [ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 10. Л. 216].

На волне смещения с должностей лиц, ранее занимавших ответственные посты в приходах, в 1945 г. была развернута кампания и против отца Григория. Самым главным обвинением, которое было выдвинуто против пастыря, была «бесхозяйственность», а также отстранение им от управления приходом членов церковного совета. На этот раз недовольные своеобразным единовластием священника члены совета смогли доказать его неумелое управление финансами и добились замены протоиерея Григория Гиацинтова на отца Кирилла Волкова, который стал настоятелем собора и с февраля 1946 г. начал масштабную «патриотическую» работу [ГАВО. Ф. Р-1147. Оп. 1. Д. 87. Л. 35–35 об.].

К когорте упомянутых церковнослужителей можно также отнести тех, чьи биографии хорошо известны, кто одними из первых попали под каток очередной волны репрессий против православного духовенства, например, членов псковской миссии Кирилла Зайца, Сергия Ефимова, Николая Трубецкого, Николая Жунду, Романа Берзиньша и др.

**«Бенефициары» войны:
пастыри, занявшие ключевые приходы
в послевоенные годы**

Обратимся теперь к биографиям тех, кто в результате войны, наоборот, сумели возвыситься и укрепить свое положение в православной церкви и пришли на смену «предателям в рясах».

К первой группе «бенефициаров», безусловно, относилась так называемая категория «партизанских батюшек». В годы нацистской оккупации они последовали призыву митрополита Сергия (Страгородского), оказывая помощь советским партизанам. На территории Северо-Запада России известным священником, работавшим с подпольем, был отец Илия Богданов. Этот пастырь родился и вырос в Псковской губернии, в юности прислуживал псаломщиком в храме святителя Николая Мирликийского в родном селе Кубасово Новосельского уезда. Во время немецкой оккупации в 1942 г. Богданов в Риге был посвящен экзархом Сергием (Воскресенским) в диаконы, а через неделю в священники, получив назначение на приход сначала Свято-Троицкой церкви села Мелутово, а затем и Николаевской церкви в родном для себя селе [АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 13В. Д. 113. Л. 1–4]. В то же время он наладил контакты с партизанами и с их согласия добился перевода в приход села Белая неподалеку от Гдова. По мнению К. П. Обозного, именно отец Илия был наиболее деятельным помощником партизан, служил своеобразным связным между ними и духовенством православной миссии и Прибалтийского экзархата [Обозный, с. 522].

После ухода немецкой армии в июле 1944 г. «партизанский батюшка» получил от архиепископа Порховского и Псковского Григория (Чукова) назначение на пост благочинного Псковского округа. Однако небольшой священнический «багаж» отца Илии и его невысокий авторитет в среде местного духовенства стали причиной того, что уже к концу года он сам ходатайствовал о собственном снятии со столь высокого поста. В своем прошении он особо подчеркнул, что как «младший священник» обладает небольшим авторитетом и не может справиться с более опытными и образованными батюшками [АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 26 (2). Д. 1. Л. 290]. Вскоре он был направлен в Никольский приход в село Любятово.

Случаи сотрудничества священнослужителей с советским подпольем были известны не только на территории Северо-Запада России. Одним из самых памятных примеров такого взаимодействия стала работа священника Павла Говорова из Курска. В 1932 г. он вместе со многими другими представителями духовенства Курской области

проходил по делу «ревнителей церкви» и пять лет провел в застенках советского Темлага. Вернулся к служению он в 1938 г. в Московской области, но незадолго до начала войны оказался в родном Курске. Личное дело отца Павла из архива Курской епархии говорит о том, что в начале 1942 г. он возвратился к церковному служению, став священником в Сергиево-Казанском соборе города [АКЕ. Личное дело священника Павла Говорова. Л. 2–2 об.].

Наибольшую известность отец Павел получил как настоятель храма в селе Глебово Фатежского района Курской области. Он спрятал у себя в храме советских летчиков, которым впоследствии помог переправиться через линию фронта. Как отметил М. В. Шкаровский, именно о священнике Говорове глава Совета по делам Русской православной церкви Г. Г. Карпов одобрительно отозвался как об одном из особо отличившихся в годы нацистской оккупации пастырей, оказывавших содействие подполью [Шкаровский, с. 123].

После войны пастырь вновь вернулся к служению в Курске и был определен к Введенскому храму города, но прослужил там недолго. Вслед за наградами со стороны светской власти в 1946 г. у него появилась возможность переехать в Московскую область, где местами его постоянной проповеди стали Ильинская церковь в Загорске, а затем и знаменитый храм Всех Святых в московском Соколе.

В народном сознании образ «партизанского батюшки» напрямую связан с территорией оккупированной нацистами Белоруссии. Наиболее известный участник партизанского движения в республике из духовных лиц – отец Косьма Петрович Раина. Родившийся в 1898 г. священник окончил духовную семинарию и в годы войны служил в приходах оккупированной Пинской области [НАРБ. Ф. 951. Оп. 1. Д. 4. Л. 85]. Будучи настоятелем храма в селе Хойно Жабинского района, он произнес проникновенную речь на отпевании сотрудничавших с советским подпольем жителей соседнего села Невель [Силова, с. 76]. Батюшка оказывал помощь партизанам лично, доставляя разведданные, а также распространяя среди православного духовенства и местных жителей воззвания митрополита Сергия (Страгородского) [Шкаровский, с. 174]. Отец Косьма не раз подвергал свою жизнь опасности и был в буквальном смысле слова спасен партизанами. После освобождения Белоруссии его удостоили медали партизана Отечественной войны 1-й степени [НАРБ. Ф. 951. Оп. 1. Д. 4. Л. 85].

Отношение рядовых верующих к пастырю в послевоенные годы не было однозначным. На территории Брестской области Раина вместе с другим священником Ильей Реентом должен был заменить благочинного Николая Винцукевича. Последний был защитником интересов православного населения Белостока, недолгое время принадлежавшего БССР. Священник Винцукевич был выслан из Польши, но за свое рвение приобрел невероятную популярность у верующих как добрый и ревностный пастырь. Архиепископ Минский и Белорусский Василий (Ратмиров), скомпрометировавший себя сотруд-

ничеством с советскими органами государственными безопасности и многолетним служением в рядах обновленцев, решил назначить на место Винцукевича Раину. В ответ на эти действия местные верующие заявили, что Раина и Реент «недостойны быть пастырями», что им нужен священник «не пьяница, не развратник и не такой, который заботится только о себе, а идейный духовный пастор, такой как Николай Винцукевич». Одна из активисток также заявила, что «распоряжениям Васьки (архиепископа Василия (Ратмирова). – И. П.) они подчиняться не будут» [НАРБ. Ф. 951. Оп. 1. Д. 4. Л. 62–64].

Второй категорией «бенефициаров» стали молодые, амбициозные и лояльные к государственной системе священники, после войны принявшие духовный сан. Эти пастыри быстро поднимались по карьерной лестнице и заменяли настоятелей соборов, открытых в период нацистской оккупации. Для наилучшей демонстрации данного явления приведем список духовенства Богоявленского собора Орла на 1 сентября 1947 г. Настоятелем собора был протоиерей Борис Колесников, 1889 г. р., ранее судимый по ст. 58 п. 10, но в оккупации не проживавший в городе; вторым священником был молодой иерей Михаил Чарей, в годы войны служивший в РККА; священник Михаил Русов пребывал в нацистской оккупации, но не служил при немцах в храме, диакон Василий Постников также в годы войны воевал на фронте, и лишь протодьякон Михаил Шаталов в военное время в Щиграх занимал должность дьякона [ГАОО. Ф. Р-4330. Оп. 1. Д. 21. Л. 10].

О другом примере говорилось выше: это протоиерей Кирилл Волков, сменивший в Белгороде «бывшего коллаборациониста» отца Григория Гиацинтова. Его служение во время «апогея сталинизма» стало настолько масштабным, что уже в новый период церковно-государственных отношений, к Волкову гражданские власти стали относиться с большим недоверием. Так, в отчетном докладе за первое полугодие 1956 г. секретарю Белгородского обкома КПСС Д. И. Алешкину, председателю исполкома облсовета Ковалевскому Г. П. от уполномоченного по делам РПЦ по Белгородской области В. Мишустина приводился пример отца Кирилла Волкова:

Особую активность проявляет священник Волков Кирилл Михайлович, г. Н. Оскол. Он имеет легковую машину «Победа», приобретенную ему религиозной общиной. Он выезжает для совершения религиозных треб на дому в любое время не только в городе, но и в села района. Церковь, где он являлся настоятелем, хорошо отремонтирована и оборудована. Службы проходят торжественно, имеется певческий хор из 12 человек. Чтобы показать, что церковь заботится о нуждах населения, внутри церковной ограды построен буровой колодец общественного пользования. Посещение церкви, особенно в праздники, здесь большое – от 300 до 500 человек, а в рабочие дни 50–70 человек. Доход этой церкви составил в 1955 г. 185,0 руб., а в первом полугодии 1955 г. 101,0 руб. Волков К. М. является благочинным Н. Оскольского округа и проводит

большую работу по укреплению деятельности церквей. Требует от духовенства строгого выполнения духовных обязанностей и беспрекословного подчинения. Большие средства он тратит на украшение церкви города Н. Оскол и требует этого от священников своего округа [ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 336. Л. 10].

Таким образом, отслужившие ранее в рядах Красной армии молодые батюшки были гораздо более свободны в своих помыслах и имели возможность реализовать многие весьма смелые начинания. Им не надо было таиться, пытаться замалчивать собственное прошлое, наоборот, часто оно становилось предметом гордости и выбивало из рук наиболее рьяных противников православной церкви очень важное оружие – тезис о поголовном «услужении» духовных лиц на ранее оккупированных нацистами территориях немцам. С одной стороны, эти священники добивались очень много (в первую очередь в случае занятия поста благочинного), поднимали авторитет священства перед местным населением, в том числе молодым. С другой стороны, их внутреннее принятие советского строя, верность ему, доказанная сначала на фронтах войны, а затем при сборе средств «на патриотические нужды», демонстрировала новый вид духовного лица – лояльного коммунистической власти, но не забывавшего и об интересах духовенства и верующих. К сожалению, этот феномен просуществует также крайне недолго, так как уже в середине 1950-х – середине 1960-х гг. очередной удар будет нанесен уже не только по тем, кто служили «при Гитлере», но и по наиболее активным молодым пастырям, популярным среди местного населения.

Сложно доподлинно утверждать об истинных причинах столь решительных действий епархиального руководства по отношению к служившему под оккупацией духовенству. Представители епископата прекрасно понимали, что священники, исполнявшие свой пастырский долг в период войны, в первую очередь попадали под подозрение в сотрудничестве с немцами, и именно над ними чаще всего нависала угроза репрессий со стороны карательной машины советской власти. Возможность «спрятать» их в дальние приходы становилась чуть ли не единственной панацеей от преследования.

Немногие представители служившего при немцах духовенства смогли вписаться в новую общественно-политическую реальность. После победы над нацизмом они первыми попали под подозрение властей. Их отправляли в сельские приходы, переводили в другие епархии, а сами верующие и активисты «двадцаток» могли инициировать против них расследования, заканчивавшиеся обвинениями в растратах и неумении ведения хозяйственной деятельности. Среди тех, кто потеряли приходы, были и настоящие коллаборационисты, но абсолютное большинство пастырей лишь исполняли свой священнический долг, понимая необходимость компромисса в отношении оккупационной администрации и важность мирного сосуществования.

Можно назвать это поколение пастырей забытыми деятелями религиозного ренессанса. Они могли бы быть своеобразным связующим звеном между дореволюционным духовенством и теми священниками, которые будут возрождать храмы в последние годы советского периода. Вместо этого их просто вычеркнули на долгое время из церковной истории и забыли, в лучшем случае давая возможность не вспоминать о военном времени.

Категория «партизанских батюшек» прочно обросла историографическим мифом. О них простые верующие знают больше всего, при том, что их вклад в общее религиозное возрождение в условиях оккупации невелик. После окончания войны они стали благочинными, получили возможность влиять на жизнь больших приходов и определять судьбу священников, ранее служивших в них. Но часто довольно низкий образовательный уровень, неумение выстроить грамотные взаимоотношения с духовными лицами более почтенного возраста приводили их к пониманию ограниченности собственных возможностей и навыков.

В первые послевоенные годы проросла и новая категория священников – пришедшие с войны молодые люди, которые приняли священнический сан и начали церковное служение. Но как только недолгий роман атеистического государства и Московской патриархии закончился, власти ударили и по ним. Таким образом, вторая половина 1940-х гг. – это сложный процесс, отразившийся на судьбах всех православных пастырей, служивших на ранее оккупированной территории. Военное время способствовало пополнению рядов духовенства, однако никоим образом не повлияло на «коренной перелом» в церковном вопросе.

Список литературы

- АКЕ. Личное дело священника Павла Говорова. АСПБЕ. Ф. 1. Оп. 26 (2). Д. 1; Оп. 13В. Д. 113.
- Верт А.* Россия в войне 1941–1945 гг. М. : Воениздат, 2001. 664 с.
- ГАБО. Ф. Р-1147. Оп. 1. Д. 87.
- ГАО. Ф. 957. Оп. 3. Д. 7, 84; Оп. 5. Д. 7.
- ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 10.
- ГАНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 336.
- ГАОО. Ф. Р-4330. Оп. 1. Д. 20, 21, 29; Ф. Р-3681. Оп. 1. Д. 6; Ф. П-52. Оп. 2. Д. 623.
- НАРБ. Ф. 951. Оп. 1. Д. 4.
- Обозный К. П.* История Псковской Православной Миссии. 1941–1944 гг. М. : Изд-во Крутицкого подворья, 2008. 608 с.
- Перельгин А. И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953). Орел : Труд, 2008. 216 с.
- Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве : (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М. : Изд-во Крутицкого подворья : О-во любителей церковной истории, 2005. 424 с.
- White J. M.* Battling for Legitimacy: Russian Old Believer Priests on the Frontlines of the First World War, 1914–1917 // *First World War Studies*. 2017. № 8 (2–3). P. 93–113. DOI 10.1080/19475020.2017.1374873.

References

- AKE [Archive of Kursk Diocese]. Lichnoe delo svyashchennika Pavla Govorova.
- ASpBE [Archive of St Petersburg Diocese]. Stock 1. List 26 (2). Dos. 1; List 13V. Dos. 113.
- GABO [State Archive of Belgorod Region]. Stock R-1147. List 1. Dos. 87.
- GAKO [State Archive of Kursk Region]. Stock R-3487. List 1. Dos.10.
- GANIBO [State Archive of Modern History of Belgorod Region]. Stock 1. List 1. Dos. 336.
- GAOO [State Archive of Orel Region]. Stock R-4330. List 1. Dos. 20, 21, 29; Stock R-3681. List 1. Dos. 6; Stock P-52. List 2. Dos. 623.
- GAVO [State Archive of Voronezh Region]. Stock 957. List 3. Dos. 7, 84; List 5. Dos. 7.
- NARB [National Archive of the Belarus Republic]. Stock 951. List 1. Dos.4.
- Oboznyi, K. P. (2008). *Istoriya Pskovskoi Pravoslavnoi Missii. 1941–1944 gg.* [The History of the Pskov Orthodox Mission in 1941–1944]. Moscow, Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya. 608 p.
- Perelygin, A. I. (2008). *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v Orlovskom krae (1917–1953)* [The Russian Orthodox Church in Orel Region]. Orel, Trud. 216 p.
- Shkarovskii, M. V (2005). *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' pri Staline i Khrushcheve. (Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godakh)* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev. (State-Church Relations in the USSR in 1939–1964)]. Moscow, Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii. 424 p.
- Werth, A. (2001). *Rossiya v voine 1941–1945 gg.* [Russia at War, 1941–1945. A History]. Moscow, Voenizdat. 664 p.
- White, J. M. (2017). Battling for Legitimacy: Russian Old Believer Priests on the Frontlines of the First World War, 1914–1917. In *First World War Studies*. No. 8 (2–3), pp. 93–113. DOI 10.1080/19475020.2017.1374873.

The article was submitted on 25.12.2019